

Donna Tartt

**THE SECRET
HISTORY**

Донна Тартт

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ

роман

*Перевод с английского
Дениса Бородкина
и Наталии Ленцман*

издательство аст

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

T21

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Тартт, Донна

T21

Тайная история: роман / Донна ТАРТТ; пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. — Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. — 590, [2] с.

ISBN 978-5-17-087295-4

Блестящая американская писательница Донна Тартт, лауреат Пулитцеровской премии 2014 года, покорила читателей первым же своим романом "Тайная история". Книга сразу стала бестселлером. Она переведена на двадцать пять языков и продолжает расходиться многомиллионными тиражами во всем мире. Действие происходит в небольшом колледже в Вермонте, куда девятнадцатилетний Ричард Пейпен приезжает изучать древнегреческий язык. Новые друзья Ричарда — четверо молодых людей и одна девушка — умны, раскованны, богаты и так увлечены античной культурой, что рассматривают себя чуть ли не как особую касту ее хранителей. Их дружба не выдерживает, однако, натиска современного мира. В веселой и сплоченной компании происходит убийство. Пытаясь через много лет осмыслить случившееся, герой по дням воспроизводит свою студенческую жизнь, этапы отношений с однокурсниками и любимой девушкой. Под виртуозным пером Донны Тартт его исповедь превращается в захватывающий психологический триллер.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-087295-4

- © 1992 by Donna Tartt
- © Д. Бородкин, Н. Ленцман, перевод на русский язык, 2008
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
- © ООО "Издательство АСТ", 2015
Издательство CORPUS ©

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	9
--------------	---

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1	13
Глава 2	57
Глава 3	120
Глава 4	155
Глава 5	193

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 6	301
Глава 7	411
Глава 8	459
эпилог	574

Брету Истону Эллису,
чье великодушие я всегда буду с благодарностью помнить,
и Полу Эдварду Макглойну — вдохновителю и меценату,
лучшему другу до конца моих дней

ПРОЛОГ

В горах начал таять снег, а Банни не было в живых уже несколько недель, когда мы осознали всю тяжесть своего положения. Кстати, нашли его только через десять дней после гибели. Это была одна из самых крупных поисковых операций за всю историю Вермонта — полиция штата, национальная гвардия, ФБР. В колледже отменили занятия, в Хэмпдене временно закрыли красильную фабрику, люди приезжали из Нью-Гэмпшира и Нью-Йорка, даже из Бостона.

Странно, что бесхитростный план Генри прекрасно сработал, несмотря на все непредвиденные обстоятельства. Мы ведь вовсе не собирались прятать тело. На самом деле мы просто оставили его там, куда оно упало, понадеявшись, что случайный прохожий наткнется на него прежде, чем исчезновение Банни заметят. Все говорило само за себя: шаткие камни, осыпавшийся край обрыва, на дне ущелья — труп со сломанной шеей. Обычный несчастный случай. Смиренно пролитые слезы, скромные похороны — все могло бы пройти тихо и незаметно, если бы той ночью не выпал снег. Он полностью занес тело Банни, и через десять дней, когда наконец настала оттепель, участники поисков — полиция, ФБР, волонтеры — обнаружили, что все это время ходили по его трупу, утаптывая снег в плотную ледяную корку.

Люди в форме, вспышки фотоаппаратов, толпы народа, облепившие Маунт-Катаракт, как муравьи сахарницу, — трудно поверить, что такой шум поднялся вокруг происшествия, ответственность за которое отчасти лежит на мне. Еще труднее поверить, что

через все это мне удалось пройти, не вызвав и тени подозрения. Но пройти, увы, еще не означает уйти, и хотя некогда я полагал, что тем апрельским днем навсегда покинул злополучное ущелье, сейчас я в этом совсем не уверен. Теперь, когда поиски давным-давно закончились и в моей жизни все спокойно идет своим чередом, я начал понимать, что, воображая годами, будто нахожусь где-то еще, я все это время был только там — на краю обрыва, у запыленных грязью следов от колес в молодой траве, где темное небо нависает над дрожащим яблоневым цветом, а в воздухе уже чувствуется похолодание — предвестие снега, который выпадет ночью.

— А вы-то что здесь делаете? — удивленно воскликнул Банни, заметив нас.

— Да так, папоротники ищем, — ответил Генри.

После того как мы постояли, перешептываясь, в подлеске (последний раз взглянуть на тело, осмотреться — не обронил ли кто ключи или очки, не забыл ли чего) и гуськом потянулись через лес, я еще раз оглянулся. И хотя я помню наш обратный путь и первые одинокие снежинки, парящие на фоне сосен, помню, как мы с облегчением набились в машину и выехали на дорогу, словно семейство, отправившееся на пикник, помню, как Генри с каменным лицом объезжал рытвины, а мы вертелись на сиденьях и болтали, как дети, хотя я слишком хорошо помню ту ужасную долгую ночь и все последующие ужасные долгие дни и ночи, стоит мне оглянуться — и прошедших лет как будто нет в помине, и вновь у меня за спиной черное пятно ущелья, выплывающее из-за зеленых ветвей, картина, которая останется со мной навсегда.

Наверное, сложись все иначе, я мог бы писать о многих других вещах, но теперь у меня нет выбора. В моей жизни была только одна история, и лишь ее я могу рассказать¹.

1 Следует пояснить, что название книги отсылает к произведению византийского историка Прокопия Кесарийского (ок. 500–562 гг.). Исполняя обязанности военного летописца при дворе императора Юстиниана, он написал восьмитомную “Историю войн”, которую снабдил “неофициальным” дополнением — памфлетом под заглавием *Anecdota* (т. е. неизданное). В нем он излагает закулисные причины описанных в “Истории” политических событий и весьма критически оценивает действия императора. Греческое название памфлета переводилось на английский как *The Secret History*, а на русский — как “Тайная история”. (Здесь и далее — прим. перев.)

КНИГА ПЕРВАЯ

-
- И вот я задаюь вопросам о том,
кто и как становится филологом, и утверждаю:*
- 1. В юности человек не имеет еще ни малейшего представления
о древних греках и римлянах.*
  - 2. Он не знает, пригоден ли он к тому,
чтобы сделать их предметом своего изучения.*

ФРИДРИХ НИЦШЕ

Из заметок к ненаписанной книге "Мы, филологи"

Так давай же уделим беседе добрую толику времени,
и речь у нас пойдет о воспитании наших героев.

ПЛАТОН

"Государство", книга II

ГЛАВА 1

Существует ли такая вещь, как “трагический изъян” — злое- щая темная трещина, пролегающая через всю жизнь, — вне литературы?¹ Когда-то я полагал, что нет. Теперь же уверен, что существует. И в моем случае это, видимо, болезненная и не- удержимая тяга ко всему, что исполнено внешнего блеска и вели- колепия.

*A moi. L'histoire d'une de mes folies*².

Меня зовут Ричард Пейпен. Мне двадцать восемь лет, и я впер- вые увидел Новую Англию и Хэмпден-колледж, когда мне испол- нилось девятнадцать. Я уроженец Калифорнии, и, как теперь понимаю, меня можно назвать калифорнийцем в том числе и по складу характера. В последнем я смог признаться себе лишь недавно... Впрочем, это не важно.

Вырос я в Плано, маленьком городке на севере Силиконовой долины. Ни братьев, ни сестер у меня не было. Мой отец держал автозаправку, а мать сидела дома. Потом, когда я стал старше, а жизнь — дороже, мать устроилась на работу — диспетчером в офис одного из крупных заводов микроэлектроники в окрест- ностях Сан-Хосе.

- 1 Традиционный русский перевод этого термина аристотелевской эстетики — “трагическая ошибка”: “Остается среднее между этими [крайностями]: такой человек, который не отличается ни добродетелью, ни праведностью и в не- счастье попадает не из-за порочности и подлости, а в силу какой-то ошибки (*hamartia*)...” (Поэтика, 1453а. Перевод М. Гаспарова).
- 2 О себе. История одного из моих безумств (*фр.*). А. Рембо. Одно лето в аду. Пере- вод М. Кудинова.

Плано. Это слово вызывает в памяти ряды типовых бунгало, автокинотеатры, источаемые асфальтом волны жара. Проведенные там годы сложились для меня в некое прошлое, расстаться с которым оказалось так же легко, как выбросить пластиковый стаканчик. В некотором смысле это было весьма ценным подарком судьбы. Покинув родительский дом, я сочинил новую, куда более привлекательную историю детства, полную расхожих образов, обычно возникающих при упоминании Калифорнии, — красочное прошлое, легкодоступное для посторонних.

Ослепительный блеск этого вымышленного детства — бассейны, апельсиновые рощи, милые разгильдяи родители, занятые в шоу-бизнесе, — полностью затмил тусклое однообразие детства подлинного, размышляя о котором я не могу вспомнить ничего, кроме унылой мешанины предметов: кеды, в которых я ходил круглый год, дешевые книжки-раскраски, старый, потрепанный мяч — мой вклад в игры с соседскими детьми. Мало интересного, и уж совсем ничего радующего глаз. Я был тихим, высоким для своих лет подростком с щедрой россыпью веснушек на лице. Я не мог похвастаться большим количеством друзей, но было ли это осознанным моим выбором или же просто стечением обстоятельств, я не знаю. Помнится, учился я хорошо, но среди первых учеников никогда не был. Мне нравилось читать — Толкиена, приключения Тома Свифта, но против телевизора я тоже ничего не имел и частенько проводил долгие и безрадостные часы после школы, лежа перед ним на ковре в нашей пустой гостиной.

Мне почти нечего добавить к этим воспоминаниям, кроме, пожалуй, определенного настроения, которым были проникнуты почти все мои детские годы, — чувства подавленности, связанного с воскресными сериями “Чудесного мира Диснея”. Воскресенье было грустным днем (рано в постель, завтра в школу, я постоянно боялся, что наделал в домашней работе ошибок), но когда в ночное небо над залитыми светом башнями Диснейленда взмывал фейерверк, меня охватывала настоящая тоска. В такие минуты я думал, что мне никогда не выбраться из безотрадной круговерти школы и дома. Мой отец был человеком мелочным и вздорным, наш дом — безобразным, мать никогда не баловала меня вниманием. Я носил купленную по дешевке одежду, был всегда слишком коротко подстрижен, и никто из одноклассников не питал ко мне особой симпатии. А поскольку так было всегда, с тех пор как я себя помнил,

я боялся, что и дальше все будет течь в том же мрачном русле. Короче говоря, мне казалось, что все мое существование поражено неким скрытым недугом, исцелиться от которого мне не суждено.

Так что полагаю, нет ничего удивительного в том, что мне трудно соотнести свое прошлое с прошлым моих друзей, по крайней мере с таким, каким я его вижу. Чарльз и Камилла — сироты (как я желал себе этой горькой судьбы!), выросшие под присмотром бабушек и тетюшек в огромном старом доме где-то в Виргинии: река, лошади, амбровые деревья — детство, о котором приятно помечтать. Или, например, Фрэнсис. Когда он появился на свет, его матери было всего лишь семнадцать — хрупкая, капризная девочка с рыжими волосами и богатым папой, сбежавшая из дома с барабанщиком Вэнса Вэйна и его “Веселых вагантов”. Через три недели она вернулась домой, через шесть брак был признан недействительным. И что же? Как любит при случае заметить Фрэнсис, дед и бабушка воспитали их как брата и сестру — его и его мать. Их окружали такой заботой, что это производило впечатление даже на привыкших ко всему сплетников, — гувернантки из Англии, частные школы, лето в Швейцарии и зима во Франции. Взять даже нашего простофилю Банни. Детство, не больше моего похожее на то, что проходит под знаком матросских костюмчиков и уроков танцев. Но все же американское детство. Отец — ведущий игрок футбольной команды Клемзонского университета, ставший банкиром. Четыре брата — и ни одной сестры — в большом и шумном доме в пригороде; яхты, теннисные корты, золотистые ретриверы, летние поездки на Кейп-Код, элитные пансионаты в окрестностях Бостона, барбекю перед началом футбольных матчей. Неудивительно, что это воспитание проявлялось у Банни абсолютно во всем, от рукопожатия до манеры рассказывать анекдоты.

Ни с кем из них у меня нет и не было ничего общего — ничего, кроме знания греческого и года жизни, проведенного вместе. Впрочем, если общность может быть основана на любви, то нас объединяла еще и любовь, хотя, я понимаю, это может показаться странным в свете той истории, которую я собираюсь рассказать.

С чего начать?

После школы я поступил в маленький колледж в нашем городке (родители были настроены против; они уже давно дали понять, что я должен буду помогать отцу вести дело — одна из причин мо-

его отчаянного стремления попасть в списки студентов) и в течение двух лет изучал там древнегреческий. Объяснялось это вовсе не любовью к языку, а тем, что я учился на медицинском отделении (деньги, как вы понимаете, были единственным способом улучшить мое положение, а врачи зарабатывают много денег, *quod erat demonstrandum*¹). Учебный план предполагал несколько гуманитарных курсов, и мой куратор предложил мне выбрать язык. А поскольку, как выяснилось, занятия греческим начинались во второй половине дня, я остановился на них — кто откажется поспать подольше в понедельник? Этот абсолютно случайный выбор решил, как вы увидите, мою судьбу.

Греческий шел у меня хорошо, можно сказать, отлично, и в последний год колледжа я даже получил награду классического отделения. Это был мой любимый предмет, поскольку он один проходил в нормальной аудитории — никаких банок с бычьими сердцами, никаких набитых обезьянами клеток, никакого запаха формальдегида. Сначала я думал, что упорным трудом смогу преодолеть врожденную брезгливость и отвращение к выбранной профессии, что в будущем, удвоив усилия, возможно, даже сумею изобразить подобие призвания. Но это был не тот случай. Проходили месяцы, а изучение биологии по-прежнему не вызывало у меня интереса, вернее сказать, вызывало лишь откровенную неприязнь. Я получал низкие оценки, сокурсники относились ко мне с не меньшим презрением, чем преподаватели. Не сказав ни слова родителям, я перешел на отделение английской литературы, что, даже на мой собственный взгляд, было поступком отчаянным и безрассудным. Я чувствовал, что тем самым затягиваю петлю у себя на шее, что непременно буду об этом жалеть, — ведь тогда я еще искренне верил, что лучше потерпеть неудачу на прибыльном поприще, чем процветать в сфере, которая, как считал мой отец (не имевший представления ни об экономике, ни об университетской науке), не сулила никакой выгоды. По его словам, выбор такой профессии неизбежно приведет к тому, что до конца жизни я буду выпрашивать у него деньги, а он совершенно не собирался мне их давать.

Итак, я начал изучать литературу, и мне это понравилось. Но мое отношение к Плано осталось прежним. Вряд ли я смогу объяснить, почему моя среда порождала во мне чувство такой

1 Что требовалось доказать (лат.).

безысходности. Сейчас я догадываюсь, что в тех условиях и при своем характере я был бы несчастлив где угодно, будь то Биарриц, Каракас или остров Капри, но в то время я ничуть не сомневался, что мое подавленное состояние неразрывно связано с местом, где я жил. Возможно, отчасти так оно и было. Пусть Мильтон в известной мере прав — в себе обрел свое пространство дух, в себе он может создать из ада рай¹, и далее по тексту, — и все же очевидно, что основатели Плано воздвигали город, взяв за образец не рай, но ту, иную, мрачную и скорбную обитель. В старших классах я приобрел привычку бродить после школы по торговым центрам, описывая круги среди холодных, сверкающих галерей, пока все это — яркие упаковки и штрихкоды, променады и эскалаторы, зеркала, “мьюзак”, свет и шум — не заполняло мой мозг настолько, что в нем просто перегорали пробки, и тогда все вокруг внезапно сливалось в пеструю расплывчатую массу: цвет без формы, тихий звон разлетающихся молекул. Потом я, словно зомби, брел к парковке и ехал на бейсбольное поле, а приехав, даже не вылезал из машины — просто оцепенело сидел, положив руки на руль, и смотрел на пожелтевшую зимнюю траву и проволочную ограду, пока солнце не уходило за горизонт, так что уже ничего не было видно в наступивших сумерках.

Порой мне нравилось думать, будто моя неудовлетворенность была богемной или даже марксистской (когда я был подростком, то часто напускал на себя вид убежденного социалиста — как правило, просто для того, чтобы позлить отца), но на деле я был очень далек от того, чтобы понять ее природу, и возмутился бы, предположи кто-нибудь, что подлинный ее источник — стойкая пури-танская жилка в моем характере. Однако дело было именно в ней. Не так давно я обнаружил в старом блокноте запись, сделанную, когда мне было восемнадцать или около того:

*Я чувствую, что все здесь пропитано запахом гнили, гнили перезревших плодов. Нигде и никогда жуткая механика рождений, совокуплений и смерти — этих чудовищных шестеренок жизни, которые греки называли *tiásta*, скверной, — не была столь неприкрытой и в то же время столь коварно подмалеванной, нигде и никогда люди не верили так слепо в ложь, непостоянство и смерть, смерть, смерть.*

1 Потерянный рай, I, 254.

Изрядная пошлятина, на мой взгляд. Глядя на эти строчки, я подумал, что останься я в Калифорнии, то непременно ударился бы в религию или, по крайней мере, стал приверженцем какой-нибудь причудливой диеты. Помнится, как раз в то время я читал что-то о Пифагоре и некоторые из его идей необычайно меня привлекали — например ношение белых одежд и отказ от употребления в пищу существ, наделенных душой.

Однако вместо этого я оказался на Восточном побережье.

Я наткнулся на Хэмпден по прихоти судьбы. Однажды вечером — это был один из бесконечных Дней благодарения: дождь за окном, консервированный клюквенный соус, назойливый шум спортивных телепередач — я заперся у себя в комнате после ссоры с родителями (не помню, что послужило поводом в тот вечер, помню лишь, что ссорились мы постоянно — из-за колледжа и денег) и принялся ожесточенно рыгаться в шкаф, ища свою куртку, как вдруг откуда-то выпал буклет: “Хэмпден-колледж, Хэмпден, штат Вермонт”.

Буклет был двухлетней давности — в старших классах я получал много всего такого от разных колледжей, поскольку хорошо сдавал стандартные тесты (увы, не настолько, чтобы можно было рассчитывать на стипендию). Я хранил его в учебнике геометрии весь последний год школы.

Не знаю, как он оказался в шкафу, — наверное, мне просто стало жаль его выкидывать. В тот год я изучал фотографии Хэмпдена часами, словно надеясь, что если буду смотреть на них долго и пристально, то благодаря некоему осмотическому процессу проникну в их ясную, ничем не нарушаемую тишину. Я помню эти фотографии по сей день — так, бывает, запоминаются картинки из любимой детской книжки. Залитые солнцем луга, расплывчатые очертания окутанных дымкой гор, толстый ковер листвы на ветреной осенней дороге. Праздничные костры и стелющийся в долинах туман, изгибы виолончелей, темные окна, снег.

Хэмпден-колледж, Хэмпден, штат Вермонт. Основан в 1895 году (одно это вызывало удивление — в Плано я не знал ни одного учреждения, основанного ранее 1962 года). Пятьсот студентов. Совместное обучение. Прогрессивная направленность. Профильное направление — гуманитарные науки. Строгий отбор.

Предлагая всесторонний курс изучения гуманитарных дисциплин, наш колледж ставит целью не только обретение студентами проч-